

Юнкерский батальон со взводом Офицерской роты расположились в районе вокзала и через день вернулись в Новочеркасск. Сводная Михайловско-Константиновская батарея стояла до 6 декабря в центре города. Обыватели относились к юнкерам доброжелательно. Батарее был выделен даже подарок от жителей города – 10000 рублей.

Все запасные полки 39-й бригады были немедленно расформированы. В один из полков прибыл Каледин. В сопровождении одного лишь адъютанта он вошёл в казармы и приказал солдатам сдать оружие, пообещав при этом, что, выполнившие приказ, наказания не понесут. Солдаты тут же сложили оружие. Личный состав остатков разоружённой и расформированной бригады был посажен в эшелоны и отправлен в северном направлении. В обеспечении этой операции участвовал и Юнкерский батальон.

В дальнейшем о необходимости скорейшего перемещения Алексеевской организации за пределы Области Каледин уже не упоминал. Признали «Организацию» и Донские власти, однако, давалось при этом понять, что добровольческие подразделения могут быть использованы исключительно для защиты Дона. Отсюда неизбежно вытекала некоторая зависимость Алексеева от Войскового правительства.

3.2. Войсковой круг 3-го созыва. Волнения в Александровске-Грушевском. Есаул Чернецов

2 декабря 1917 г. в день занятия Ростова в Новочеркасске собрался Войсковой круг 3-го созыва. На съезде присутствовали более 600 делегатов, в том числе около 200 членов Всероссийского казачьего фронтового съезда, то есть людей, побывавших в окопах, подвергнувшихся влиянию фронтовой агитации и настроенных поначалу весьма агрессивно. Были допущены на заседания Круга также представители демократических организаций и крестьянства.

В начале работы Круга атаман Каледин отчитался о действиях, предпринятых Правительством для занятия Ростова. Доклад дался ему совсем не просто. Замечали казаки, Ростовские события смутили Каледина. В нём постоянно проскальзывало сомнение, и даже чувство вины за происшедшее. «Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, быть может, с проклятиями», – обронил он на заседании Круга. То и дело, стараясь убедить делегатов, и себя, в первую очередь, напоминал Алексей Максимович, что не хотел начинать первым.

«Вы, может быть, спросите, – говорил он, докладывая Кругу о ходе операции, – почему же мы не покончили с большевиками одним ударом? Сделать это было не трудно¹⁹². Но страшно было пролить первым братскую кровь...»

Для всех, впрочем, было очевидно, что всё это слова, что в таких делах установить, кто начал первым, удаётся редко. Да не так теперь это было и важно. Куда важнее были последствия. Атаман, как и большинство делегатов, прекрасно понимали, что подавление «местных» большевиков неизбежно ведёт к войне с Центральной Советской властью. То, что она не началась сразу, объяснялось единственным фактором. Советские войска *были заняты другими делами*. При иных обстоятельствах, ситуация не выглядела бы такой уж катастрофической. *Настоящих* войск у большевиков не было. Их предстояло ещё только создавать. Но беда заключалась в том, что у Атамана войск в известном смысле *не было никаких*. А было очень большое сомнение, станут казаки защищать границы, *когда начнётся*, или рассеются, разбегутся по близким хуторам от первого же облачка шрапнели над конным строем. Вернее сказать, сомнений-то к декабрю почти уже и не оставалось...

Договориться тоже было теперь невозможно. Речь могла

---

¹⁹² Здесь Каледин покривил душой. Сделать «это», в условиях апатии, охватившей казачьи полки, было не просто трудно, но почти невозможно. Вечером, на секретном заседании Круга он говорил совершенно иное: «Должен сказать, что в эти дни я вместе с правительством пережил чрезвычайно тяжелые минуты... Приходилось наталкиваться на неразрешимые вопросы, попадать в безвыходное положение, когда казачьи войсковые части отказывались от исполнения приказов войскового правительства...»

идти лишь о безоговорочной капитуляции. Капитуляция означала потерю прав на войсковые земли, чего, конечно, никто из делегатов не хотел.

Всё это Каледин, ничего не приукрашивая и не скрывая, и высказал членам Круга. И, как водится, поставив вопрос о доверии, сложил свои полномочия. Теперь делегаты должны были либо принять отставку Атамана, либо их подтвердить. Каледин честно предупредил, что в случае переизбрания его Войсковым атаманом, Советскую власть не признает, и если придётся, будет воевать с большевиками. Что жить по-старому уже не удастся. Что будут предприняты определённые, весьма непопулярные меры. И чтобы их осуществить, необходима будет *вся* полнота власти, сосредоточенная в одних руках.

Как свидетельствуют очевидцы, предчувствие самого худшего, смертная тоска уже коснулись Каледина. Он видел лица делегатов, в большинстве, искренне его поддерживающих. Сама атмосфера Круга, воплотившая в себе вековые казацкие традиции, настраивала делегатов на определённый лад¹⁹³. Традиции

---

¹⁹³ Сыграли, конечно, свою роль и вполне разумные оценки ситуации и предложения правительства, и, не в последнюю очередь, авторитет, откровенность и терпимость Каледина. Вот что пишет по этому поводу Н.М. Мельников: «Обаяние личности А.М. Каледина особенно ярко проявилось на примере фронтовиков. Почти все они приезжали с фронта предубеждёнными, настроенными против Атамана, а на Круге их настроение у подавляющего большинства менялось. Особенно это сказалось именно при декабрьских перевыборах: ...фронтовые казаки – члены Круга – приезжали домой распропагандированные, озлобленные, уверенные в том, что засевший на Дону Каледин – контрреволюционер, кровожадный изверг, стремящийся отнять у народа свободу. И наши фронтовые казаки приезжали мрачнее тучи, решившие одним ударом покончить с гидрой контрреволюции и, в первую очередь, избавиться от Каледина. Фронтовая группа на Круге была значительной силой, насчитывавшей около 200 депутатов. Группа эта бурлила и кипела, но проходили дни, казаки встречались с Атаманом, вслушивались в его, всегда краткие, речи и в ответы его на вопросы, оценивали их, всматривались в него, вникали в свободные порядки, установленные при Каледине на Дону – и разводили руками... Где же, в чём контрреволюция? Проходило ещё немного времени – и в частных заседаниях фронтовой группы исчезал «генерал» Каледин, превращавшийся в «Алексея Максимовича...» Не следует, конечно, забывать, что сам Мельников, делегат от ст. Нижне-Чирской, Заместитель председателя Донского Войскового правительства, был соратником и приверженцем Каледина. В силу этого, его слова не могут восприниматься, как абсолютно беспристрастные.

предписывали доверять власти и поддерживать власть. Они и доверяли. Даже и высказать свои сомнения, которые у многих, конечно же, были, казалось большинству делегатов бестактным и неуместным. Они и не высказывали. Да и война казалась далёкой, нереальной и почти невозможной, а потому, пока ещё не страшной. Многие к тому же рассчитывали на скорое падение большевиков.

Но память настойчиво подбрасывала Атаману иные сюжеты. Он с горечью вспоминал, как казачьи сотни, отказываясь выступать, игнорировали его призывы. Как прямо из строя выкрикивали казаки свою правду прямо ему в лицо. Как целый полк, сотни конников, просто разъехались в разные стороны, не пожелав его даже выслушать. Вспоминал он и изуродованные трупы юнкеров, и обледенелые окопы у Нахичевани, и разрывы, тут и там накрывавшие беззаветную «алексеевскую» пехоту.

Всегда ощущал Каледин незримую, неразрывную связь между ним, Атаманом, и рядовым казаком. Войсковое правительство по определению гарантировало его, казачьи, права и отстаивало интересы. И казак, ощущая повседневную заботу, готов был защищать своё правительство в споре и в бою. Их чаяния, как в большой семье, тесно были переплетены и почти совпадали. Всё это ушло в небытие, исчезло вмиг, как разорванный рассветом туман. Война тяжёлым плугом прошла по тончайшим, невидимым узам, и развела их поврозь. И ничего больше рядовых казаков с Донской властью почти и не связывало. Они были друг другу ещё не враги, но уже точно и не родственники. Были скорее подельниками в тяжёлой, тяготившей обе стороны работе...

И всё больше крепло в Каледине убеждение, там, в окопах, в насквозь промёрзшей степи, мало кто его поддержит. Те же самые казаки, вернувшись с Круга в свои части, ставшие кордонами по границам Области, поведут себя *и подумают* совершенно по-другому. И воевать, в большинстве своём, ни за Атамана, ни за Войсковое правительство, ни даже за войсковые земли с серьёзным противником не станут.

Но Каледин, генерал Русской армии, прошедший Великую

войну, был человеком ответственным. В душу никому не заглянешь, но хочется верить, он искренне полагал, что лучше других знает дорогу, по которой рассчитывал провести Дон через надвигающееся лихолетье.

И он остался.

9 декабря Круг переизбрал Алексея Максимовича подавляющим большинством голосов. За Каледина высказалось 562 делегата, за других кандидатов – 35¹⁹⁴, воздержались – 37¹⁹⁵. Также, 411 голосами, был переизбран товарищем Атамана и М.П. Богаевский.

И, странное дело, едва решение было принято, к Каледину вернулись прежняя энергия и работоспособность. И даже вера в то, что ничего ещё не потеряно до конца.

В первую очередь необходимо было по-новому выстроить Донскую власть. Войсковое правительство из 14 выборных членов (по два от каждого округа) было, вне всякого сомнения, представительным, но очевидно неработоспособным. В условиях мирного времени такое положение вещей ещё могло иметь место, с первыми залпами на Ростовских окраинах становилось нетерпимым. Круг принял решение громоздкую, малоподвижную структуру власти изменить кардинальным образом. Число членов Войскового правительства сокращалось до 7 человек, а сами они избирались теперь на пленарном заседании Круга. Намеченный в частном заседании предварительный список кандидатов в члены Правительства был Калединым одобрен. Все семеро: П.М. Агеев, С.Г. Елатонцев, А.П. Епифанов, Г.И. Карев, Н.М. Мельников, И.Ф. Поляков и Б.Н. Уланов¹⁹⁶ были избраны подавляющим большинством голосов, почти единогласно. Новый

---

¹⁹⁴ Четверо из них отдали свои голоса в пользу войскового старшины Голубова.

¹⁹⁵ По другим данным в работе Круга приняли участие свыше 700 делегатов, и за переизбрание Каледина Войсковым атаманом высказалось до 620 человек. В любом случае Каледину отдали свои голоса не менее 90 % членов Круга.

¹⁹⁶ На этом же заседании депутат Государственной Думы В.А. Харламов был избран членом Правления Юго-Восточного союза. Позже Агеев, Мельников, Уланов и Харламов вместе с Калединым и Богаевским были избраны во Всероссийское Учредительное собрание от Донской области. Всего по казачьему списку (№4) прошли в Учредительное собрание 9 человек.

кабинет, целиком и полностью разделявший взгляды Каледина, был куда более работоспособен. К тому же, приняв решение о том, что следующий Войсковой Круг будет созван 29 декабря, делегаты постановили всю полноту власти в области в период между заседаниями Круга предоставить вновь избранному Войсковому правительству.

Теперь можно было заняться и другими вопросами. И, прежде всего, необходимо было покончить с рецидивами внутренней гражданской войны, для чего консолидировать по возможности все слои населения Области.

Отношения с Ростовскими рабочими были испорчены безвозвратно. Каледин пробовал пойти навстречу. После взятия Ростова был запрещён только лишь ВРК. Все остальные демократические институты функционировали, как и прежде. Разрешена была даже муниципальная деятельность Совета. Но примирения не состоялось. В городе, на заводах и железнодорожных мастерских, жили и работали сотни бывших красновардейцев, принимавших участие в только что отгремевших боях¹⁹⁷. Имеющих вполне определённые, устоявшиеся симпатии и убеждения. Главное, наверняка имеющих спрятанное до поры оружие. Закрывать на это глаза было невозможно. Расстрелы в Балабановской роще, стачка в ответ, похороны 62 рабочих, вылившихся в мощную демонстрацию протеста, сближению сторон явно не способствовали¹⁹⁸...

¹⁹⁷ Большевицкое подполье после разгрома восстания первые дни ничем о своём существовании не напоминало. Но уже в середине декабря был восстановлен Темерницкий райком РСДРП(б), возглавивший протестные выступления рабочих железнодорожных мастерских.

¹⁹⁸ Несмотря на либеральную политику властей протестное движение нарастало. Однажды многочисленная группа рабочих окружила на улице караул Юнкерского батальона. Раздавались выкрики «Долой войну! Долой контрреволюционеров! Долой кадет!» и призывы расправиться с юнкерами. Была вызвана дежурная часть. Однако после подхода взвода Кадетской роты толпа не рассеялась. Офицер, командир взвода, потребовал разойтись и заявил, что после третьего предупреждения взвод открывает огонь. Повторив своё требование ещё дважды, на что рабочие вновь не отреагировали, офицер дал команду «Огонь!». Взвод без задержки дал один залп на поражение. Рабочие разбежались, оставив четырёх убитых и несколько раненых. Донские власти, раздосадованные инцидентом, на следующий день приняли участие в похоронах убитых рабочих, закрыв глаза на открытые призывы к отмщению.

Что касается крестьянства, составлявшего к концу года до 48 % населения Области, то настроено оно по отношению к Атаманской власти было, если и не откровенно враждебно, то с большой долей настороженности и даже недоверия. Принятый большевиками «Декрет о земле», предполагающий отмену частной собственности на землю и её перераспределение, не остался незамеченным и разводил крестьян с казаками по разные стороны баррикад.

Чтобы привлечь на свою сторону крестьянство Дона, Круг пошёл на беспрецедентные меры. Было подтверждено принципиальное право каждого коренного жителя Области, вступить в казачье сословие с выделением для вновь вступившего соответствующего земельного надела. Но главное, предстоящему Крестьянскому съезду предлагалось сформировать Донское Областное Коалиционное Правительство¹⁹⁹, в котором представительство осуществлялось на Паритетных основаниях – 7 представителей от казаков и 7 – от неказачьего населения Области. Председателем же Объединённого правительства и 15-м его членом должен был стать Войсковой атаман. Понятно, что подобные уступки делались не от хорошей жизни, но это было реальное и серьёзное предложение. Войсковое правительство демонстрировало, что готово поделиться немалой частью власти, а, следовательно, выражать интересы всего населения Дона. «...Управлять Областью, опираясь только на одну часть населения, невозможно, – говорил Каледин, – необходимо привлечь к управлению представителей всего населения». И это были не пустые слова²⁰⁰.

Таким образом, Дон из казачьего элемента борьбы с большевизмом вольно или невольно превращался постепенно в независимое, враждебное Центральной Советской власти, госу-

¹⁹⁹ Так называемое «Паритетное» или «Объединённое». По замыслу Каледина оно должно было заниматься проблемами всей Области и всего населения. В компетенции Войскового правительства при этой системе оставались казачьи дела.

²⁰⁰ На выборах в Учредительное собрание казачий список собрал до 640 тысяч голосов (45 % всех поданных), список социалистов-революционеров – около 480 тысяч, список большевиков имел 205.5 тысяч, остальные списки все вместе получили 86 тысяч голосов.

дарство. Тем не менее, Круг предпринял попытки примирения с большевиками и уточнения их позиции по отношению к Области и Войску. Постановили направить делегации:

- в 17-й стрелковый полк, ставший на севере Области, «для переговоров»;
- совместно с представителями 17-го полка(!) в Петроград «для выяснения дела» и вывода полка за пределы Области.

Приходилось разбираться и со своими. Ростовские события выявили ненадёжность *всех* казачьих полков. Но во время работы Круга 35-й, 39-й и 44-й Донские полки выносили резолюции о недоверии, как Атаману, так и Войсковому правительству. Похожей была ситуация и в пластунских пеших батальонах²⁰¹. Круг постановил принять необходимые меры для восстановления дисциплины, большевистских агитаторов подвергать аресту, «как изменников Дону».

Переизбрав Каделина Войсковым Атаманом, наделив его всей полнотой власти и наметив собраться вновь 29 декабря 1917 г.²⁰² Круг закончил свою работу. Войсковое правительство должно было использовать каждый день продолжающейся передышки для упрочения своего положения и немедленно приступить к подготовке Круга следующего созыва и Неказачьего съезда, но другие проблемы встали перед Донской властью.

Ростовские события не остались незамеченными. Наибольший отклик они получили в Александровске-Грушевском. В городе ещё с ноября шли непрерывные митинги. Рабочие, шахтёры составляли значительную часть населения, были активны и своих симпатий к Советской власти и большевикам не скрывали. Одна за другой выносились резолюции о непризнании существующей власти, упразднении администрации, национализации рудников. В пригородах крестьянские сходки требовали

---

²⁰¹ Позже в батальонах был произведён перед строем опрос каждого казака, «согласен ли сражаться за Дон?» И находилось немало пластунов, которые отвечали: «Нет». В одном лишь Александровско-Грушевском батальоне таких набралось больше 100 человек.

²⁰² В этот же день должен был приступить к работе Съезд неказачьего населения Области.

раздела всей казачьей земли. Органы власти и правопорядка в городе были совершенно парализованы и потеряли контроль над ситуацией. Расквартированный в городе Пластунский казачий батальон также не способствовал восстановлению правопорядка, так как был распропагандирован и сам подвергся разложению. Конные сотни и команды, *как и повсюду*, предпочитали не вмешиваться. Имели место случаи избиения офицеров, зажиточных горожан и подвернувшихся под руку разнообразных «непролетарских элементов».

Дело дошло уже и до непонятно кем и от чьего имени производимых «социализаций» и реквизиций. Шахтовладельцы поспешили покинуть город. Производство из-за невозможности вывоза угля за пределы Области и так упавшее до минимума, в условиях анархии сворачивалось совершенно. Что оздоровлению социального положения также не способствовало.

Меньшевики и эсеры и здесь заняли примиренческую позицию. Они протестовали против военного положения, против разоружения большевистских полков, против арестов большевистских делегатов на II Съезд советов. С поразительным упорством все усилия они тратили на разрушение тех институтов и основ, которые одни лишь обеспечивали безопасность, возможность функционирования и само существование осколков революционной демократии. Поразительное нежелание раскрыть глаза на происходящее, предложить хоть что-то для выхода из надвигающейся социальной катастрофы вело к постепенному падению их популярности в массах²⁰³.

Напротив, влияние большевиков, особенно в рабочих и угледобывающих районах Области, неуклонно возрастало. Они уже сами тяготились безвластием и засильем анархизирующих элементов и ждали лишь сигнала. Едва в Петрограде и Москве Советы добились окончательной победы, началось и здесь.

На Парамоновском руднике рабочие 1 ноября потребовали передачи всей власти на местах в руки Советов. На следующий день городской Совет рабочих депутатов заслушал доклад

---

²⁰³ 12 ноября на выборах в Учредительное собрание за список №5 (большевиков) проголосовало до 80 % избирателей Александровска-Грушевска.

вернувшегося со II Всероссийского съезда Советов делегата от Александровска-Грушевского К.Ф. Гроднера. Были одобрены первые декреты Советской власти и принято постановление о переходе власти в городе в руки Советов. Также Исполком постановил создать рабочее управление рудниками, ввести 8-часовой рабочий день, что, ввиду массовой безработицы, лишь усугубило ситуацию.

Поскольку приказа Войскового правительства о военном положении никто не отменял, под председательством рабочего подковного завода Н.П. Калмыкова был создан Военно-революционный комитет. Начали формироваться отряды Красной гвардии, благо свободных рук хватало...

Мириться с этим Каледин не мог. Но и двинуть строевые части, ввиду их неустойчивости, собирался лишь в крайнем случае. К тому же всё внимание Войскового правительства приковал к себе Ростов. В конце ноября на Парамоновский рудник прибыл ротмистр Пухляков, назначенный начальником милиции. Вступив в должность, он сразу попытался вывести за штат ранее набранных милиционеров, и набрать новых, представляющихся надёжными. Однако рабочие выразили категорический протест по поводу введенной реорганизации милиции. Более того, разнообразные народные представители категорически заявили, что ими признается в настоящее время только лишь власть Совета народных комиссаров и только выборное начало. Подчиниться указам Войскового правительства рабочие рудника категорически отказались.

Пухляков, ничего не скрывая, доложил в Новочеркасск о происходящем. Вывод его был неутешителен. Порядок в Александровске-Грушевском мог быть восстановлен лишь военной силой. К этому склонялось постепенно и Войсковое правительство, однако предпринять что-либо было не в состоянии. Всё, что удалось собрать в конце ноября, было направлено под Ростов. Да и после занятия города «трогать» сотни, принявшие участие в боях, Каледин не хотел. Казаки могли возмутиться и задаться естественным вопросом: «Почему всё время мы, а как же другие?»

Проблема переместилась вдруг в иную плоскость. Если действительно война с большевиками была неизбежна, то отстоять Область могли лишь регулярные казачьи дивизии. Вся надежда была на то, что донские полки пусть не за Каледина и Войсковое правительство, но хотя бы за свою землю воевать всё же будут. Вместе с тем, практика показала, что использование казаков при подавлении «внутреннего врага» даже при удачном исходе ведёт к быстрому их разложению. Нельзя было привлечь для этой цели и дисциплинированных, устойчивых «алексеевцевцев». *Не пришлому элементу* в столь взрыво-

В.М. Чернецов

опасной ситуации было усмирять коренных жителей, какими бы они ни были. Нужно было заводить в хозяйстве что-то подобное, но *своё*. Именно поэтому Каледин разрешил некоторым офицерам²⁰⁴, в том числе, и Чернецову приступить к формированию партизанских отрядов.

Есаул Василий Михайлович Чернецов²⁰⁵ Великую войну встретил сотником 26-го Донского казачьего полка. Выделялся отвагой и бесстрашием, по праву считался лучшим офицером-разведчиком 4-й Донской дивизии, трижды был ранен в боях. В 1915 году Чернецов возглавил партизанский (диверсионный) отряд дивизии, который бесстрашными и счастливыми рейдами по тылам противника принёс широкую извест-

²⁰⁴ Несколько позже свои отряды сформировали сотник Греков, войсковой старшина Э.Ф. Семилетов, есаул Г.П. Власов, есаул Ф.Д. Назаров, есаул Р. Лазарев, поручик В.Курочкин, сотник 4-го Донского полка М.Т. Попов и др.

²⁰⁵ Чернецов родился в 1890 г. в станице Усть-Белокалитвинской в семье ветеринарного фельдшера. Образование получил в Каменском реальном училище, но затем выбрал карьеру военного и в 1909 г. закончил Новочеркасское военное училище.

ность своему командиру. За воинскую доблесть и боевое отличие Чернецов был последовательно произведен в подъесаулы и есаулы, награжден орденами Святого Станислава 3-й степени, Святого Святослава 2-й степени с мечами, Святого Владимира с мечами, Святой Анны 4-й степени, Святой Анны 3-й степени, получил Георгиевское оружие²⁰⁶.

В январе 1917 г. после ранения прибыл на Дон, где находился на излечении в ст. Каменской. В марте был назначен на должность коменданта Макеевских рудников. Там проявил себя как жёсткий администратор, позволяющий рабочим организациям экономическую деятельность, но пресекающий любую попытку организовать Красную гвардию и вооружиться. Во второй половине ноября был отозван с рудников, прибыл в Новочеркасск и, переговорив предварительно с Калединым, приступил к формированию партизанского отряда²⁰⁷.

Есаул Чернецов столкнулся с той же проблемой, что и его Атаман. Казаки ни в какие отряды записываться не собирались, уже хотя бы по той причине, что *и так числились в строю*. Да их есаул не особо и уговаривал. Нужны были добровольцы. Обратились к офицерам, которых, как и в любом городе осело к зиме немало. Но и в этом случае на довольствие встали *единицы*. И сделать ничего было невозможно, проживающие в городе офицеры даже не были зарегистрированы у коменданта²⁰⁸.

Ядро отряда составила та самая молодёжь, которая устремилась 25 ноября на Барочную, едва прослышав о выступлении «алексеевцев». Кадеты разных классов и возрастов, студенты, реалисты, гимназисты, даже семинаристы. Порыв их,

---

²⁰⁶ В представлении на награждение Георгиевским оружием говорилось: «...за то, что, будучи в чине сотника, в бою 24 января 1916 г. у деревни Гривнек, командуя сотней партизан, и получив приказание атаковать сильно укрепленную позицию, не взирая на губительный огонь, преодолевая с большим трудом проволочные заграждения, с криком «ура» ворвался в немецкие окопы, где, работая штыками, ручными гранатами и в рукопашную, быстро покончил с ротой противника, которая большей частью была переколота и только небольшой части удалось бежать, а 12 человек взяты в плен...»

²⁰⁷ Отряд был сформирован 30 ноября.

²⁰⁸ Позже, именно по просьбе Чернецова, все проживающие в Новочеркасске офицеры были взяты на учёт.

удивительный среди всеобщей апатии, смутил даже и современников.

Один из очевидцев тех событий о составе отряда Чернецова говорил: «...я не ошибусь, наметив в юных соратниках Чернецова три общие черты: абсолютное отсутствие политики, великая жажда подвига и очень развитое сознание, что они, еще вчера сидевшие на школьной скамье, сегодня встали на защиту своих внезапно ставших беспомощными старших братьев, отцов и учителей. И сколько слез, просьб и угроз приходилось преодолевать партизанам в своих семьях, прежде чем выйти на влекущий их путь подвига под окнами родного дома!»

Это были, конечно, вчерашние подростки²⁰⁹, учащаяся молодежь, за исключением небольшого числа кадет, незнакомая с военным ремеслом и не втянутая в отрядную жизнь. Вполне вероятно, многие погнались за романтикой, за возможностью проявить себя в большом, значимом деле. Но это ничуть не умаляет их выбора, ведь на кон они, не раздумывая, поставили свои жизни. Считается, что юношеская восторженность и непонимание опасности в среде молодых партизан и предопределяли бесшабашную лихость чернецовских операций. Но с этим вряд ли можно согласиться. Даже и с подростков после первого же боя налёт восторженности слетает вмиг. Под пулями противника мальчишки быстро становятся мужчинами. А отряд за

²⁰⁹ Вот какой эпизод вспоминает один из партизан, которому в момент поступления в отряд было чуть больше 16-ти лет: «Моя группа из 24 человек была направлена в предместье Новочеркасска – Хотунок. Нас разместили в бараках, откуда накануне были высланы «домой» большевистски настроенные солдаты. Ночь выдалась очень темной, и освещения в районе барачных не было. Меня с приятелем поставили часовыми – охранять сон наших воинов. Около полуночи наше внимание привлек какой-то подозрительный шум. Он то стихал, то раздавался вновь. Нам слышалось тяжелое дыхание притаившегося врага, его возня была уже совсем близко от барачных. Нервы наши не выдержали, и для храбрости мы выстрелили. Из барачных выскочили с винтовками наши боевые друзья, готовые немедленно занять оборону. «Что случилось?» – спрашивали нас. После нашего объяснения начались поиски «врага». И вот свет многочисленных фонариков высветил мирно пасущуюся недалеко от барачных корову». Конечно, чернецовские партизаны ещё не успели расстаться с юношеским мироощущением. Но от этого их выбор не выглядит менее осознанным, а готовность к самопожертвованию менее значимой.

полтора месяца успел пройти немало. Скорее, следует говорить о личных качествах и боевом опыте командира.

Не все конечно были в состоянии безболезненно перенести переход от домашнего уюта к степным походам, промозглым разбитым теплушкам и свисту пуль над головой. Кто-то уходил, приходили новые добровольцы. Поэтому состав отряда всё время менялся, был «плавающим». Но численность его неуклонно возрастала. В первые, после формирования, дни в отряде было несколько офицеров на командных должностях и свыше двух сотен учащейся молодёжи. Именно с этими ничтожными силами Чернецов пошёл от Новочеркасска на север в свой первый поход. В ночь с 3 на 4 декабря отряд в эшелоне начал выдвижение к Александровску-Грушевскому.

Готовился к отпору и ВРК. Утром 4 декабря в поселке подковного завода штаб Красной гвардии принял решение вооружить горняков Петропавловского, Парамоновского, Азовского рудников, подковного и фенолового заводов, металлургического завода К. Попа и дать бой.

Дальнейшее не поддаётся здравому объяснению. Сотни красногвардейцев-шахтёров, людей озлобленных безработицей и решительных, сложили оружие при одном лишь приближении «чернецовцев». Разговоры о том, будто «одно лишь имя Чернецова внушало страх, и шахтеры искренне верили, что он со своей сотней может загнать весь город в Азовское море», не выдерживают никакой критики. Имя его ещё не гремело «от Козлова до Ростова». Скорее можно говорить о другом. До Александровска-Грушевского дошли слухи о Ростовских боях и разгроме Советов. И местные большевики, взвесив шансы, посчитав Чернецовский отряд лишь авангардом подходящих регулярных полков, решили не оказывать вооружённого сопротивления.

Так или иначе, но 4 декабря Чернецов без боя занял посёлок²¹⁰ и оплот Красной гвардии Парамоновский рудник. Было арестовано и отправлено в Новочеркасскую тюрьму до 60 че-

---

²¹⁰ Александровско-Грушевский отряд Красной гвардии получил приказ боя не принимать и отойти в Макеевку.

людей. Все они после стачки, охватившей 9 декабря рудники, 15 декабря были освобождены Войсковым правительством. Можно говорить о Каледине, что угодно и в чём угодно его обвинять. Но факт остаётся фактом. Он действительно пытался консолидировать население Области. И действительно выстраивал на Дону демократическое государство. Просто выстраивалось оно на принципах защиты частной собственности, которая в Центральной России вскоре была отменена.

Несколько слов о дальнейшей судьбе Александровско-Грушевского. На рудники были введены казачьи сотни. Под их защитой шахтовладельцы вернулись на предприятия и начали восстанавливать работу шахт. Сразу предупредили, что с шахт будут рассчитаны те рабочие, которые были в Красной гвардии. Хотя многие шахтёры могли восстановиться на работу, подавляющее большинство по отношению к Войсковому правительству было настроено враждебно. Возобновили подпольную деятельность большевики. Для консультаций о тактике дальнейших действий в Петроград была направлена группа «ходовиков» с Парамоновского рудника в составе пяти человек²¹¹ с так называемым наказом. Их доклад был рассмотрен на заседании Совета Народных Комиссаров 9 декабря и через день Ленин ответил на 5 вопросов содержащихся в наказе:

1. О секвестре рудников и заводов в Александро-Грушевском районе.

Могут быть конфискованы рудники и заводы только после освобождения района от калединских войск и влияния.

2. Оставлять ли сейчас рудники и уезжать в центральную Россию.

Не уезжать и продолжать работать, пока возможно продержаться.

3. О посылке охраны для рудников.

Наши войска движутся по направлению калединских войск в достаточном количестве.

4. О субсидировании 3000000 рублей для ведения работ.

Вопрос будет решен по приезде тов. Артема из Харькова.

---

²¹¹ В их числе и Аскольд Власов, будущий командир полка Красной гвардии.

5. Считать ли действительными денежные знаки калединского правительства.

Денежные знаки считать недействительными.

В дальнейшем большевики Александровско-Грушевского ограничивались лишь организацией забастовок и актами саботажа на железной дороге. Под впечатлением Чернецовского налёта за оружие они до самого конца, до падения Дона так и не взялись.

Что касается Чернецова, то следующий удар его отряд нанёс по Макеевскому району. Тактика была та же: молниеносное появление, деморализующее красногвардейцев. Чернецова уже начали узнавать. Отряд двигался в Макеевский район по южной ветке. Вот, что рассказывает один из участников событий:

«На станции Дебальцево, по пути в Макеевку, паровоз и пять вагонов Чернецовского отряда были задержаны большевиками. Есаул Чернецов, выйдя из вагона, встретился лицом к лицу с членом военно-революционного комитета. Солдатская шинель, барашковая шапка, за спиной винтовка – штыком вниз.

– Есаул Чернецов?

– Да, а ты кто?

– Я – член военно-революционного комитета, прошу на меня не тыкать.

– Солдат?

– Да.

– Руки по швам! Смирно, когда говоришь с есаулом!

Член военно-революционного комитета вытянул руки по швам и испуганно смотрел на есаула. Два его спутника – понурые серые фигуры – потянулись назад, подальше от есаула...

– Ты задержал мой поезд?

– Я...

– Чтобы через четверть часа поезд пошел дальше!

– Слушаюсь!

Не через четверть часа, а через пять минут поезд отошел от станции».

Подобные случаи, передававшиеся потом из уст в уста, были,

конечно же, в какой-то степени легендой. Но из таких легенд и создаётся, приобретая узнаваемые очертания, образ...

В Макеевке всё повторилось. Чернецов, ввиду катастрофической малочисленности отряда, вынужден был всё время маневрировать. Заняв одну, станцию, один рудник, тут же направляться к следующему. При необходимости, возвращался и начинал всё вновь и вновь. Тем не менее «борьба» обошлась без потерь как с той, так и с другой стороны, и к 12 декабря почти весь рудничный район был очищен от Красной гвардии. В дальнейшем в Макеевский район были введены регулярные казачьи части (в том числе и 58-й Донской полк) под общим командованием генерала Е.И. Балабина, которые обеспечивали правопорядок²¹² и прикрывали западные границы Области до начала военных действий.

Чернецов стал окружаться ореолом удачливого партизанского вождя, бескровно подавившего восстание в угольных районах. Отряд его получил прозвище Донской «кареты скорой помощи».

13 декабря Чернецов²¹³ вернулся в Новочеркасск и на заседании Круга сделал доклад о своей «военной прогулке» по рудникам. Приняв участие в дальнейшей работе Круга, в своих выступлениях Чернецов всегда говорил о необходимости принятия решительных мер против большевистского движения и организации надёжной военной силы для борьбы, в неизбежности которой он не сомневался. «Его голос на Круге всегда звучал искренно и призывно, временами, как казалось некоторым, даже воинственно». Судя по всему, этот человек, в отличие от многих других, относительно дальнейших событий никаких иллюзий не питал.

После возвращения из Макеевской «экспедиции» Чернецов

---

²¹² Командующий войсками Макеевского района генерал-майор Евгений Иванович Балабин издал приказ, суть которого сводилась к следующему: казаки не применяют по отношению к рабочим репрессий, если население «не будет делать ничего противозаконного». Это во многом и обеспечило относительно мирное сосуществование рабочего населения и казачьих команд в рудничном районе.

²¹³ Чернецов был избран депутатом Войскового круга 3-го созыва.

произвёл незначительное переформирование своего отряда²¹⁴ и 20 декабря по получении соответствующего приказа перебазировался на станцию Щетово, Северо-Донецкой железной дороги, где обеспечивал охрану границ Области со стороны Дебальцево. Этот период в боевой деятельности Чернецова до самого 27 декабря носил относительно пассивный характер.

3.3. Корнилов в Новочеркасске. Триумвират. Добровольческая армия. Экспедиции. Национальные формирования

Даже и после Ростовских событий отношение населения, а частично, и Донских властей к добровольческим формированиям оставалось весьма неоднозначным. Особенно негативно воспринимался приезд на Дон «быховских» генералов.

Когда в двадцатых числах ноября Деникин с Романовским прибыли в Новочеркасск, Алексеева они там не застали²¹⁵. Деникин направился к Каледину, с которым у него ещё с фронта сложились доверительные отношения. В ходе беседы Атаман в общих чертах обрисовал обстановку, которую считал катастрофической. Атаман был один в своём кабинете, но Деникину почему-то показалось, что он один и во всём дворце. Несколько раз Каледина вызывали к телефону. Он отвечал спокойным, почти безразличным голосом. Повернулся от аппарата и сказал вдруг Деникину:

– Отдаю распоряжения и знаю, что почти ничего исполнено не будет. Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся – хорошо, нет – казачья песня спета...

Деникин спросил прямо, не создаст ли пребывание «быховцев» в Новочеркасске дополнительных проблем.

Каледин, задумавшись на секунду, ответил:

– На Дону приют вам обеспечен. Но, по правде сказать, луч-

---

²¹⁴ Отряд, ввиду прекращения активных действий, сократился до 120 человек. Зато в его состав была включена пулемётная команда 1-го Донского полка.

²¹⁵ Убыл в Екатеринодар на заседание правительства Юго-Восточного союза.